

Мэн Хуайсуй стер с лица улыбку и нарочито небрежным, насмешливым тоном протянул:

— Знаю я, знаю. Докажу вам в следующий раз на деле, так пойдет? Пойду поцелуюсь с Пэй Цинюэ или вроде того, этого же хватит для убедительности?

— Ты... ты какую нахуй херню несешь?!

— Да и с Ци Шэном мы столько возились, можно заодно и с его двоюродным братцем что-нибудь замутить на память. Ай да Мэн Хуайсуй, ну и молодец же ты, умудрился замахнуться на обоих кузенов.

Царящий вокруг шум мгновенно стих мертвой тишиной. Все вытаращились на него, словно на какого-то монстра.

А Цзян Сюань так и вовсе разинул рот, не в силах выдавить из себя ни звука.

Мэн Хуайсуй поковырялся в ухе, наконец-то посчитав, что этот галдящий базар умолк и его барабанные перепонки спасены.

— Шучу я, стадо дураков. Пэй Цинюэ же ясно сказал: такое убожество, как мы, ему и даром не нужно, даже если доплатим.

Бросив эту фразу, Мэн Хуайсуй мимоходом стянул из рук стоявшего рядом остолбеневшего парня флакон с розовым спреем-нейтрализатором запаха одежды.

Хотя этот приторно-сладкий водянистый аромат совершенно не отвечал его вкусам, это было всяко лучше, чем возвращаться в класс с въедливым запахом табачного дыма.

Разумеется, под этим он подразумевал, что не хочет заставлять Пэй Цинюэ хмуриться.

— Погнали, пора на утреннее чтение.

Мэн Хуайсуй только повернулся, как из-за спины донесся взбешенный рев Цзян Сюаня, громыхнувший на всю округу:

— Мэн Хуайсуй, сукин ты сын! Это Ци Шэн притворяется, а Пэй Цинюэ — самый настоящий гей!

Каков вообще критерий для разграничения того, что считается притворством, а что — правдой?

Мэн Хуайсуй не хотел вдаваться в подробности.

Если судить исключительно по поведению в повседневной жизни, то Ци Шэн, который без мужиков буквально шагу ступить не может, выглядел гораздо более подозрительно.

По дороге в класс Мэн Хуайсуй щедро обрызгал себя с ног до головы тем самым розовым спреем, затянув жужжащее «пш-пш».

Завершив миссию, он небрежно водрузил пустой флакон на подоконник первого класса в коридоре.

В коридоре выпускного года стояла тишина, почти во всех классах уже вовсю шло утреннее чтение.

В это время как раз должен был проходить плановый выбор комитетчиков, проводимый Первой средней школой каждый семестр.

Интересно, в этом году старостой снова будет Пэй Цинюэ?

Кстати говоря, сегодня, кажется, как раз классный час.

Мэн Хуайсуй медленно плелся наверх и попутно размышлял о том, что независимо от того, кто выдвинет свои кандидатуры, свой голос он в любом случае отдаст Пэй Цинюэ.

Слухи о сексуальной ориентации Пэй Цинюэ поползли из компании Ци Шэна и разлетелись по всей школе.

Но если присмотреться повнимательнее, станет очевидно: единственные, кто слепо верил в эти сплетни и без устали трепал языком, — это как раз та самая компашка.

Обычно так всё и происходит.

Навесить на неугодного, талантливое соперника скандальный ярлык, чтобы очернить его и затравить — подобные мерзкие методы в школьных стенах всегда распространяются со скоростью вируса.

Особенно когда мишенью становится образцовый ученик, который никогда не сквернословит, к которому на уроках не придерешься и которого так любят все преподаватели, — в таких случаях мрачные домыслы обычно удешевляются.

Окажись на его месте кто-то другой, его бы уже давно затравили до перехода в другую школу.

Но Пэй Цинюэ — далеко не мягкотелый малый: свойственная ему внутренне ледяная отстраненность и едва уловимая аура заставляли недоброжелателей лишь украдкой шептаться за спиной.

И верно, этот парень — далеко не промах.

По крайней мере, за те два года, что Мэн Хуайсуй наблюдал за ним, он неизменно держался с такой непоколебимой стойкостью.

Как говорится в поговорке, тихая собака исподтишка кусает: если человека, который обычно молчит, довести до ручки, ответный удар будет куда жестче.

Хотя Мэн Хуайсуй ни разу не видел, чтобы тот распускал руки, шестое чувство подсказывало: Пэй Цинюэ именно из таких.

На самом первом уроке, когда они стали соседями по парте, Мэн Хуайсуй проспал всё время, подложив под голову морковную подушку-думку, одолженную у какой-то девчонки с заднего ряда, и они с Пэй Цинюэ так и не перемолвились ни словом.

Удобный случай представился лишь на втором уроке физкультуры.

Солнце в конце лета всё еще слепило глаза.

Мэн Хуайсуй кое-как доплелся до спортивной площадки в предвкушении футбольного матча. Заметив неподалеку Пэй Цинюэ в темно-синем спортивном костюме, он изогнул бровь и направился к нему.

— Редкий гость. Чего это ты сегодня без сборников задач? Разве ты обычно на физкультуре не любишь забиться в угол трибуны и решать свои пятилетние планы?

Чуть подальше та самая девушка, что одолжила ему подушку-морковку, то и дело украдкой косилась на них из-за кулера с водой. Мэн Хуайсуй совершенно непринужденно взмахнул рукой и помахал ей, отчего девчушка тут же густо покраснела и отвернулась.

Пэй Цинюэ стоял в согнутом положении, роясь в куче пластиковых ящиков с красными и желтыми манишками для командного деления, и, не поднимая головы, холодно бросил:

— Потому что тогда Ци Шэн еще учился в школе.

— Чего это ты вдруг вспомнил про него?

— Мгм. Чтобы держаться от него подальше и не наживать лишних хлопот.

Мэн Хуайсуй сразу всё понял.

Во время любых футбольных или баскетбольных матчей на физкультуре избежать физического контакта на поле невозможно, а такой невротик, как Ци Шэн, при малейшем столкновении гарантированно устроил бы истерику прямо на месте.

Поэтому, чтобы предотвратить неприятности, Пэй Цинюэ решил пресечь их на корню раз и навсегда.

И как это назвать — излишней педантичностью или паранойей?

Ради того, чтобы избегать задиристого кузена, он несколько лет подряд наотрез отказывался от уроков физкультуры — отговорка звучала просто нелепо.

Мэн Хуайсуй протянул руку и бесцеремонно взъерошил волосы Пэй Цинюэ, который еще не успел выпрямиться, выбирая манишки, а затем с улыбкой предложил:

— От манишек в этом ящике разит за версту. Не надевай их, давай просто так побегаем.

Пэй Цинюэ отшатнулся от его руки, словно от удара током, и, нахмурившись, ледяным тоном произнес:

— Без манишек команды не отличить.

— Какой же ты упрямец, — усмехнулся Мэн Хуайсуй. — Как бы ты ни изощрялся, на поле всё равно никто не оценит твоих стараний, староста Пэй.

<http://bllate.org/book/19358/1892551>